

Пилюля с грохотом раскололась, тёмно-бурый лекарственный отвар брызнул на золотой кирпич пола, словно пролившаяся река крови. Придворный лекарь опустился на колени и забил земные поклоны, а его голос дрожал, как пламя свечи на ветру:

— Ваше Величество... жизненная сила господина Цэня иссякла, пульс слаб, как паутинка, боюсь... боюсь, он не протянет и трех дней.

Се Линь стоял у кровати, его черный просторный плащ был забрызган лекарством, но он не шевелился. Он пристально смотрел на Цэнь Чжао — на это бледное, как бумага, лицо, на уголки губ, где еще не высохла кровь, а старый шрам между бровей казался краснее обычного, напоминая незажившую рану и одновременно догорающую свечу.

Он резко схватил лежавший на низком столике свёрток Кровавого Указа — иероглифы на нем извивались, словно живые существа, пытаясь впиться ему в ладонь под кожу.

— Если ты умрешь, — прохрипел он, — этот указ и впрямь станет последним эхом.

Не успело затихнуть эхо его слов, как он выхватил из ножен короткий нож. Вспыхнул холодный блеск, и кровь из его кончика пальца забила ключом.

Капли крови упали на указ, и кровавые иероглифы заизвивались живыми змеями, с шипением пытаясь поглотить эту каплю.

— Прекрати! — Цэнь Чжао внезапно приподнялся на локте, выплюнул кровавую пену, но мертвой хваткой вцепился Се Линю в запястье.

Се Линь посмотрел на него налитыми кровью глазами:

— Ты даже умирая пытаешься меня остановить?

Но Цэнь Чжао лишь улыбнулся — слабо, но эта улыбка была подобна луне, пробивающейся сквозь тучи.

— Если умрешь ты, — тихо произнес он, — у Кровавого Указа больше не останется хозяина. Он отправится на поиски другого безумца — другого, кто готов порвать сердце в клочья ради правды. Но ты... мой выбор.

Он достал из-за пазухи какую-то вещь.

Древняя бронзовая печать, покрытая пятнами ржавчины, на которой были вырезаны четыре древних чжуаньских иероглифа — Печать Летописца.

Зрачки Се Линя сузились.

Эту печать... он знал.

В прошлой жизни он вылил ее собственными руками, чтобы запечатать искаженные исторические факты и подавить сожженную правду. Тогда он сам был Великим Историком, а Цэнь Чжао — юношей, водившим кистью за его столом: тот опускал взгляд и держался смирно, но в глубокий час ночи вечно прятал в рукав бамбуковые планки, которые Се Линь забраковывал и откладывал в сторону.

— Ты... откуда у тебя это?

Цэнь Чжао прижал печать к груди, кровь сочилась сквозь пальцы, окрашивая бронзу в багровый цвет.

— Забыл? — его голос звучал тихо, как дуновение ветра. — Перед смертью ты отдал эту печать мне со словами: «Если однажды кто-то сумеет прочесть Кровавый Указ до конца, передай ее ему».

Се Линь всем телом задрожал.

— Ты... ты с самого начала знал, кто я?

— Я узнал тебя с первого же взгляда, — Цэнь Чжао закрыл глаза. — В прошлой жизни ты сжигал историю, а я в этой продлеваю тебе жизнь. Раз ты безумен, я буду безумствовать вместе с тобой до самого конца.

С этими словами он с силой вдавил печать себе в грудь.

Кровавый Указ внезапно взмыл в воздух, вихрем вкручиваясь в бронзовую печать, и каждая строчка кровавых следов, словно живой поток, хлынула вспять, напрямую вливаясь в ладонь Се Линя.

Боль была невыносимой, словно от пожара.

Он с хрипом рухнул на колени и вдруг увидел, как под кожей на его ладони медленно проступает кровавый узор — по форме точь-в-точь древняя печать, а по рисунку — кровеносные сосуды. Он бился в такт с его собственным сердцем: один удар — один оттиск печати, один оттиск — одна жизнь.

Цэнь Чжао медленно опустился назад, но продолжал улыбаться. Протянув руку, он коснулся лица Се Линя.

— Отныне ты — это я, а я — это ты.

Се Линь залился слезами, его голос дрожал и срывался:

— Ты впечатал свою жизнь в мои кости?

Цэнь Чжао покачал головой. Дыхание его было слабым, но улыбка сияла ярко.

— Нет, это твое безумие спасло мне жизнь.

За окном ветер гонял остатки холодного снега, проносясь над дворцовыми стенами. На зубцах стены какой-то ребенок вывел угольком свежую строчку: Летописец бессмертен, Кровавый Указ не угаснет.

Се Линь сжал ладонь — кровавая печать жгла кожу раскаленным железом, но больше не пожирала плоть.

Она пульсировала.

Как сердцебиение.

Как дыхание.

Словно один человек жил дальше за двоих.

Он бережно поднял Цэнь Чжао на руки и направился к выходу из тронного зала.

Снег падал беззвучно, а Кровавый Указ уже превратился в заклинание в его кровеносной системе, и теперь никто на свете не мог его сжечь или исправить.

Прижимая его к груди, он шаг за шагом ступал по золотым ступеням, по кровавым письмам, по именам, выцарапанным ногтями бесчисленных простых людей.

— Цэнь Чжао, — тихо произнес он. — Ты говорил, что историю невозможно уничтожить...

— Тогда я допишу ее за тебя.

Поднялся ветер, закружился снег, и кровавая печать на ладони слабо затеплилась.

А вдалеке, в глубине подземелья Императорского Храма Предков, медленно переворачивались семьдесят два свитка кровавых записей.

На первом свитке проступил силуэт мужчины, который на ходу выводил иероглифы кистью, а позади него стоял юноша, охраняя его с фонарем в руке.

Этот силуэт принадлежал Се Линю в его прошлой жизни.

А тем юношей был Цэнь Чжао.

Кровавые свитки тихо шелестели, словно шёпот:

— Се Линь, ты наконец-то вернулся.

Печать на его ладони забила еще быстрее.

Словно в ответ.

Словно плача.

Словно говоря:

Мы все-таки не проиграли.

<http://bllate.org/book/19340/1891117>